

<http://deutsche-allgemeine-zeitung.de/ru/> - адрес «русской» странички газеты

<http://deutsche-allgemeine-zeitung.de/ru/content/view/1764/1/> - адрес статьи

«Es war einmal...»

Герольд Бельгер

Царский подарок прислал мне из Германии в канун Нового года давний знакомый, филолог и историк доктор Роберт Корн: большого формата, великолепного дизайна, с тщанием и любовью собранная и изданная книга под многозначительным названием «Es war einmal...».

Таков непрменный зачин всех немецких сказок и преданий.

Так звучит строка из стихотворения Виктора Хайнца, ставшего песней.

Таково название данного широкоохватного песенника.

В подзаголовке помечено: «Das Liedgut der Deutschen aus Russland.

Herausgegeben von Eduard Isaak und Robert Korn». Книга-песенник с

нотами, комментариями, пространной вступительной статьёй, разными ссылками и пометами, напутственным словом, с указанием авторов текста и музыки увидела свет только что (в 2011 году) в издательстве поэта и переводчика. Вальдемара Вебера, с которым я, между прочим, лично знаком не одно десятилетие.

Первое, полагаю, самое верное впечатление: труд уникальный, издание шикарное, явление высокой культуры, историческую, духовную и познавательную значимость которого трудно переоценить.

Одним словом, это бесценное издание, аккумулировавшее поэтический

Дух и Память народа, развеянного злой державной волей на кривых перепутьях трагической судьбы по заглохшим тропинкам Истории.

Пока народ помнит свои песни, он жив. О том убеждённо напомнили составители и издатель этого фолианта – истинные доброхоты и радетели неувядающей культуры своего растерянного и потерянного в закоулках разных стран народа.

Труд свой авторы посвятили памяти трагически погибшего российского немецкого поэта Роберта Вебера, наиболее полно выразившего надежды и чаяния, боль и трагедию так называемых этнических немцев, на стихи которого «наши» композиторы особенно охотно писали музыку.

Разумеется, песенное искусство российских немцев было объектом исследования многих литераторов и композиторов-музыковедов разных времен. Я могу назвать ряд славных имен от Георга Шюнемана, Георга Дингеса, Пауля Рау, Виктора Жирмунского, Оскара Гейльфуса, Виктора Клейна, Клары Оберт до Давида Буша, Иоганна Виндгольца, Роберта Корна (называю тех, кого вспомнил спонтанно).

В шкафу на «немецком» балконе у меня хранится несколько песенников, которыми я пользовался в своих художественных произведениях на немецкую тематику. К немецкому фольклору я обращаюсь нередко, ибо хорошо понимаю, что именно в нём сохранились незамутненные истоки, чистые родники народной души.

Сборник-песенник «Es war einmal...» состоит из следующих разделов:

- Geistliche Lieder (признаюсь, из восьми песен этого раздела мне незнакомо ни одно. Я их просто не слышал ни в свой детский волжский период, ни тем более в захолустном казахском ауле, где я вырос после депортации);

- Balladen (из семи песен-баллад, приведённых в этом разделе, мне с детства известны три «Es waren zwei Königskinder», «Es wollt ein Mann nach seiner Heimat reisen» и очень популярная среди волжан баллада, которую в два голоса проникновенно пели мои родители «Müde kehrt ein Wandersmann zurück». Потрясающие мою хрупкую душу впечатления от этой песни-сказа я посилено описал в своей ранней повести «Перед далью»);

- Historische – und Soldatenlieder (11 песен);

- Liebe und Schmerz (11 песен, большинство которых мне знакомо с детства. «Heidenröslein» мама пела под гитару, а отец подыгрывал на скрипке и красиво вторил, ну, а «Schön ist die Jugend» была вообще своеобразным гимном поволжских немцев. Её пели везде и всюду до недавнего времени. Яков Фишер, полагаю, поёт её в самодеятельности и поныне в Германии. Поразительно красивая песня с её пронзительно печальным и светлым рефреном: «Drum sag ich noch einmal / Schön ist die Jugendzeit / Schön ist die Jugend / Sie kommt nicht mehr». Этим названием – «Schön ist die Jugend» - не случайно Виктор Клейн обозначил свой сборник-исследование, а Ида Бендер из Гамбурга – свой объёмный автобиографический роман. Эта песня уместно обрамляет и мою русскую прозу);

- Wander-, Jäger- und Berufslieder (12 песен).

Из этого разряда приведённых в книге песен мне лично особенно памяты «Das Wandern ist des Müllers Lust» и «Lustig ist das Zigeunerleben». Эти жизнерадостные, озорные, удалые песни, помнится, охотно пели в немецких деревнях на Волге, на пирушках, при застольях. Они поднимали дух, настроение, объединяли, вселяли надежду и радость бытия. Ныне – увы! – они звучат разве что в самодеятельных ансамблях. Я был свидетелем живого, неподдельного интереса германских немцев к этим песням русланддойче. «Там» о таковых и не слышали.

- Scherzlieder (12 песен).

Шуточных песен среди российских немцев бытовало огромное количество. В исследованиях Виктора Клейна и Иоганна Виндгольца шуточным немецким песням уделено особенно много места. При всей трагической судьбе народа, при драматических коллизиях бесконечных испытаний юмор в немецком фольклоре не угасал никогда и к шуточным песням прибегали мои соплеменники, нередко к самым их затейливым, лексически рискованным, на грани фола формам. Авторы данного сборника прибегли к очень строгому отбору, выбрав наверняка из сотен и сотен образцов наиболее популярные, всеместно признанные, отшлифованные и отрихтованные временем. Жизнелюбивая, неунывающая, склонная к озорству душа российского немца бьётся в этих шуточных песнях. Вспомните «Es hab ein Bauer ein schönes Weib», «Hatt mein Wage vollgelade», «Horch, was kommt von draußen rein», «Ich ging einmal spaziere», «Jetzt kommen die lustigen Tage». Рефрен жизнеутверждающих этих песен развеет всякие уныние и тоску и способен поднять мёртвого из гроба. Российский немец умел и трудиться, и веселиться. И душа его живёт-трепещет и поныне в этих бессмертных Scherzlieder.

- Advents – und Weihnachtslieder (16 песен).

Эти песни, понятно, имеют религиозную окраску, и в нашей атеистической семье (хотя родители по изначальному вероисповеданию и относились к лютеранам; бабушка моя была истинной лютеранкой, а сын её, Карл, - Gott, Gott! – вступил одним из первых в селе в комсомол и даже в «Общество безбожников»), затерявшейся после депортации в казахском ауле на берегу Есиля в Северном Казахстане, популярностью не пользовались. За исключением классических «O Tannenbaum» и «Stille Nacht, heilige Nacht». Остальные песни из этого раздела стали мне доступны значительно позже, когда я студентом и аспирантом навещал свою родню на севере и юге Казахстана, где в то время немцы жили ещё компактно.

Эти величавые, распевные, духоподъёмные песни высокого душевного накала, чистых помыслов и светлых порывов. Их пели – душу раскрывали и просветляли, сердце очищали, к Богу взывали, благодарили за все благодеяния бытия.

- Friedrich Silcher (10 песен).

Об этом композиторе, хормейстере и аранжировщике, жившем и творившем в первой половине XIX века, признаться, я доселе ничего не знал. Слышал и встречал в разных песенниках и «Lorelei», и «Ännchen von Tharau», и «Hab oft im Kreise der Lieben», но был убеждён, что все они народные напевы. А оказалось, что таких песен у Фридриха Зильхера множество, и в данный сборник включены лишь некоторые из них.

– Следующий раздел называется «Russische Lieber» (16 песен).

Полагаю, что эти песни знакомы и любимы всеми российскими немцами. В самом деле, представьте только, какие русские песни в эквиритмическом и эквилинеарном переводе на немецкий язык вошли в этот солидный песенник. Назову лишь несколько: «Клён ты мой опавший» (перевод Наталии Зиннер), «Письмо матери» (стихи С.Есенина, перевод И. Варкентина), «В лесу родилась ёлочка» (перевод З. Эстеррайхера), «Одинокая гармонь» (перевод Д. Гольмана), «Утес Степана Разина» (перевод Г. Дорша), «Подмосковные вечера» (перевод В. Хайнца), «Тонкая рябина» (перевод Е. Бергман) и др. Называю переводчиков, ибо знаю: добиваться ритмически и построчно соразмерного перевода песни требует особенно большого искусства. Переводчики русских песен прекрасно справились со своей творческой задачей. Составители песенника в этом разделе параллельно воспроизвели русские и немецкие тексты. Для иллюстрации приведу лишь два примера, хотя все шестнадцать песен от первой до последней строфы заслуживают пристального внимания самого придирчивого читателя или слушателя.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в эту землю полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Вспомнили?

Теперь вчитывайтесь в перевод Наталии Зиннер.

Es will mir manchmal scheinen, dass die Krieger,
die von dem Schlachtfeld nicht zurück-gekehrt,
als weiße Kraniche hoch oben fliegen
und man sie nicht begrub in unsrer Erd.

Можете спеть популярный мотив хоть по-русски, хоть по-немецки.

А вот начало «Подмосковных вечеров»:

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Вслушайтесь в немецкое звучание этих строк в воспроизведении Виктора Хайнца:
Nicht einmal ein Hauch ist zu spüren hier,
Alles ist zur Nachtruh bereit.

Oh, wie wunderschön klingt im Herzen mir
Diese Moskauer Abendzeit.

Можно представить, сколько слов извел, сколько вариантов перебрал переводчик, добиваясь поэтического аналога и созвучной мелодичности.

Мне в своё время не раз приходилось писать о высоком переводческом искусстве российских немецких поэтов: они русское слово сызмальства воспринимали не только умом, но и чутким сердцем, ибо жили и росли в этой ауре и дух русской поэзии им соприроден.

К русским песням примыкает раздел «Russische Romanzen» (18 названий). В вводной части к этому разделу упоминается ряд русских поэтов немецкого происхождения: Антон Антонович Дельвиг, Афанасий Афанасьевич Фет, Лев Александрович Мей, Эдуард Губер, Федор (Friedrich) Богданович Миллер, Елизавета Дидерихс, Даниэль Максимович Ратхаус, Флориан Герман, пианист Яков Фельдман, композитор и поэт Николай фон Риттер, оперный певец Николай Григорьевич фон Дервиз. Эти талантливые личности оставили заметный след в развитии и пропаганде русского романса. В кратких пояснениях-справках перечисляются их творения, повсеместно исполняемые и поныне. Романсы эти популярны и у всех на слуху. Вот один образчик:

Только раз бывает в жизни встреча,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить.
(текст П. Германа)

Einmal nur im Leben kommt die Gabe,
Einmal nur holt uns das Schicksal ein
Einmal nur, an einem grauen Abend,
Kann die Liebe glücklich sein.
(перевод В. Хайнца)

Хочется вновь и вновь вчитываться в проникновенные, душевные слова известных русских романсов и в их блистательные немецкие переводы: «Выхожу один я на дорогу» (перевод Фридриха Фидлера), «Не пробуждай воспоминаний» (перевод Адольфа Прайфера), «Я вас любил» (перевод И. Варкентина), «В крови горит огонь желанья», «Гори, гори, моя звезда», «Очи чёрные, очи страстные», «Живёт моя отрада», «Раз от цыганок иду я к себе», «Ямщик, не гони лошадей», «Не искушай меня без нужды» (все в переводе Виктора Хайнца).

О каждом из этих романсов есть у меня какие-то личные воспоминания и восприятия. На одном остановлюсь чуть подробнее.

...Свирепая зима 1944 года. Аул занесен снегом. Буран неустанно завывает вторую неделю. Где-то далеко все еще гроыхает затянувшаяся война.

Скудная, полуголодная, тусклая жизнь. Длинные зимние вечера при зыбком свете керосиновой лампы. Родители музицируют: отец на скрипке, мама – на гитаре, я аккомпанирую на балалайке. Мы стараниями отца, отбивающего такт ногой, приноровились сносно играть два-три вальса, пару полек, несколько немецких народных песен. Даже разучили казахские «Камажай» и «Элигай». Для школьного концерта в нашем репертуаре не хватает какой-нибудь русской песни.

Отец усердно, с пафосом играет «Интернационал», «Утро красит нежным светом», «Мы – кузнецы, и дух наш молод», но у нас с мамой душа к ним не лежит. К ним плохо подбирается аккомпанемент. И ничего на память не приходит. Хотелось бы что-нибудь лирическое, душевное, незатасканное. Желательно в любимом ритме вальса: раз-два-три, раз-два-три, с плавными переходами. На помощь приходит учительница немецкого языка, спецпереселенка Мария Христиановна Эрфурт. Молодая, одинокая, стеснительная женщина, бледная и худая,

страдающая от постоянного недоедания «куриной слепотой». После захода солнца она почти ничего не видит, чего она ужасно, до слёз стыдится. Она тоже с Волги, но училась в педагогическом институте и говорит не на диалекте, как мы, а правильно, на «хох-дойч». Также заучила несколько гитарных аккордов и хорошо поет «Du, du liegst mir im Herzen». И однажды неожиданно для нас, явно смущаясь, она запела высоким, чистым голосом.

Ночь светла,
Над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром
Голубая волна.

Незатейливый мотив нас сразу завораживает. Простотой, доступностью, искренностью. Отец мгновенно воспроизводит мелодию на скрипке. Мы с мамой нащупываем тональность и темп для аккомпанемента.

Милый друг,
Нежный друг, я, как прежде, любя
В эту ночь при луне
Вспоминаю тебя.

После троекратного исполнения «на бис» Мария Христиановна и мои родители на два голоса поют всё уверенней, всё проникновенней.

В эту ночь,
При луне на чужой стороне, милый друг, нежный друг,
Вспоминай обо мне.

Отец просит учительницу записать для него текст. Прежде чем песню включить в репертуар для школьного концерта, спецпереселенцу Карлу Федоровичу нужно убедиться, не затерлась ли в песню крамольная строчка. Что значит «в эту ночь», «при луне», да ещё «на чужой стороне»?

И кто этот «милый друг», «нежный друг»? Советский ли человек? Или враг народа? Или какой-нибудь административно высланный властями куда подальше? Тут держи ухо востро. Вдруг придётся отчитываться перед бдительным комендантом?

А я этот романс запомнил на всю жизнь. Как и ту обстановку в убогой комнатухе при аульном медпункте. Как и одинокую, заброшенную невестку как в наш аул учительницу немецкого языка. Как и аул в бурную ночь 1944 года.

И только теперь узнал, что слова этого романса принадлежат Н.Языкову, музыка – Н.Шишкину, а перевёл на немецкий мой давний знакомый, бывший карагандинец, поэт, музыкант и художник, дважды приговоренный к расстрелу Адольф Пфейфер.

Думаю, очень правильно поступили составители данного песенника, включив в него 16 русских романсов, всколыхнувших душу не одного поколения российских немцев.

Среди русских романсов, включенных в «Es war einmal...», я встретил и классический – «Я помню чудное мгновенье...» - стихи Александра Пушкина, музыка – Михаила Глинки, перевод на немецкий осуществил Фридрих Больгер. В разных своих статьях я не однажды сравнивал оригинал с казахскими переводами (их пять-шесть) и немецкой интерпретацией, подчеркивая, что они выполнены точно, адекватно, соразмерно, созвучно. Не удержусь и здесь – приведу начальную и заключительную строфы пушкинского оригинала и больгеровского переклада. Сопоставьте:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Ich denk an jene schönen Stunden,
als ich dich sah zum ersten Mal!
Wie einen Traum, der bald entschwunden,
der reinsten Schönheit Ideal.

...И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Das Schicksal führte uns zusammen,
und weg ist längst der frühere Frust.
Mein Herz schlägt wieder hohe Flammen
Für Gottheit, Tränen, Liebeslust.

Фридрих Больгер блестяще перевёл не только поэзию, но и потаенную музыку. Завершают песенник две подборки наших известнейших российско-немецких авторов послевоенной генерации – Виктора Хайнца (в русской транскрипции Гейнца) и Роберта Вебера. Первый – поэт, прозаик, переводчик, драматург – и ныне здравствует (1937 г.р.), более 20 лет живет в Германии, другой – тоже поэт, прозаик, эссеист и переводчик – погиб два года назад (1938-2009).

Долгие годы я находился в контакте с обоими, писал о них, испытывал к ним братскую привязанность и симпатию. К каждому из них составитель предпослал краткое, энергичное и теплое эссе. Виктор Хайнц предстал в сборнике двенадцатью оригинальными стихами, а Роберт Вебер – пятнадцатью, на которые написал музыку Эдуард Изаак. Все эти стихи мне знакомы, но я вчитывался в эти строки вновь и вновь, однако о музыке, к сожалению, ничего сказать не могу: нотной грамоте не обучен, а слышать эти творения не довелось ни вживую, ни в записи. Их, как пишет автор предисловия композитор Эрнст Мунтаниоль, не знают и в ФРГ. Но, несомненно, закономерно, что Хайнц и Вебер предстали в этом сборнике и как признанные песенники.

Таково содержание анализируемого песенника в моём несколько сумбурном изложении. Всего в данном песеннике я насчитал 150 песен. Немалое богатство, особенно если учесть, что это лишь малая толика того, что сохранила-сберегла народная память.

«Es war einmal...» живо напоминает ряд впечатлений раннего детства. Меня, уроженца города Энгельса, столицы тогдашней Автономной Республики немцев Поволжья, родители часто привозили в село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, где проживала многочисленная родня по линии Бельгеров-Гертеров. Ухоженного, опрятного городского мальчишку с непривычным для поволжских немцев именем Герольд дядя, тети, бабушки, двоюродные братья и сёстры затаскали по патриархальным немецким домам-семьям, кормили до отвала домашней снедью, учили немецкому наречию, разным стишкам-потешкам, шуткам-прибауткам, внедряли в моё сознание Дух национальной культуры, который – несмотря на перипетии всей дальнейшей жизни – так до конца и не выветрился, чему я благодарен Судьбе.

Многое для меня было внове: и чистота, и внимание, и речестрой, и склонность к розыгрышам, шуткам, и раз и навсегда заведенные порядки, прочный уклад жизни, и радостное восприятие бытия. Потом, значительно позже, я узнал о том, что пережила немецкая деревня в канун войны: и гражданскую бойню, и классовую борьбу, и советизацию, и ликбез, раскулачивание, коллективизацию, голодомор в начале тридцатых годов.

Мальчишкой, понятно, я о том ничего не ведал, зато видел, как сельские жители облагораживали свою жизнь, как стремились к новизне, к знаниям, отменно трудились, в каждой деревне имели свои духовые и струнные оркестры, и люди пели, пели везде, всюду, слаженно, искренне, с распахнутой душой, пели грамотно, многоголосьем, пели, возвращаясь на фурах с колхозных полей, на станах и хлебных токах, в клубах, в школе, на пионерских сборах, на вечеринках-сходках перед палисадниками.

Это было чудно и дивно. Меня это больше всего потрясло. И эти песни, включенные в сборник, о котором веду речь, я в большинстве услышал именно тогда, в мирные предвоенные годы. Потом, уже в ссылке, в глухом ауле, я их слышал из уст родителей, и родные напевы эти как бы омывали душу святой водой того края, от которого нас насильно отлучили навсегда, навсегда...

И теперь я испытываю благодарность составителям и издателю этого уникального издания, пробудившего далекие воспоминания невозвратных лет.

В этом и заключены значимость и достоинство данного сборника.

Чувствую, я многое наговорил, очарованный и взволнованный этой книгой, но далеко не все сказал.

Можно б было ещё сказать о комментариях к большинству песен, об исторических сведениях и справках, об уместных иллюстрациях, о статье Роберта Корна, предпосланной духовным песнопениям, о подаче материала, о редакции - да мало ли о чём.

Но я ведь не рецензию пишу, и даже не отзыв, я, скорее, развернутую аннотацию, или – точнее – представление о сборнике «Es war einmal...».

Народ, пока он жив, поёт.

И народ наш пел на всех крутых этапах своей истории, даже в самые трагические её периоды.

Я тому свидетель.

Свидетельствует о том и данный сборник. На обложке песенника приведены слова неутомимого энтузиаста-собираателя национальных песен, поэта, прозаика, фольклориста, педагога Виктора Георгиевича Клейна: «Kein Schritt im Leben ohne Lied und Gesang!»

Народ, не поющий своих песен, видно, обречен.

Увы, это происходит повсеместно.

Это-то как раз и тревожит. И омрачает душу.

Могу ещё сказать, что «Es war einmal...» наверняка станет моей настольной книгой. Она всегда будет под рукой, и я её на досуге, в любую свободную минуту буду постоянно читать, вспоминая и знакомые строчки, и разные ситуации, связанные с той или иной песней, буду черпать из них воспоминания и память о Духе, Culture, Истории народа, к которому имею честь принадлежать.

И эти поэтические строки, сбереженные народом и его благодарными сынами, своими светлыми струями омоют мою зачерствевшую душу, всколыхнут радостью и печалью сердце одинокого спутника, затерявшегося в бескрайних степях Казахстана, пробуждая воспоминания минувших дней.

Моя сердечная благодарность всем, кто приложил руку к сотворению столь уникального, духотворящего факта культуры.